

Комсомольская правда - 1990 - 26 сент

Розыгрыш гардемарина

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

Почему Дмитрий Харатьян снялся в «Мордашке»

«Оценивайте — аукцион в разгаре? На продажу представлено все — обаяние и белозубая улыбка, легкий нрав и пропорциональность телосложения, серьезность намерений и прелестная мордашка!»

«Вот и дошли до ручки. Артистов — и тех на продажу», — проворчит иной зритель, прочитав рекламу о киногерое нового художественного фильма «Мордашка». Возразить тут нечего — само название картины за версту отдает коммерцией. Эдакое кокетливо-игривое — «Мордашка». Да и сами создатели новой кинокартины не скрывают — фильм коммерческий, кассовый. А потому главная роль досталась любимцу публики — голубоглазому, белозубому и белокурому Дмитрию Харатьяну. Все как в Голливуде. Не мы придумали законы этого жанра, но нам придется по ним жить. Вместе с рынком в нашу жизнь ворвутся с голубых и киноэкранов симпатичные и привлекательные отечественные Бо Дерекы и Сильвестры Сталлоне. Что же думает об этом сам Дмитрий Харатьян?

...Дверь небольшой квартиры в подмосковном Паршине открыл сам хозяин. Обаятельный и улыбочивый. Где-то даже застенчивый. Прошли в комнату.

Окна плотно зашторены. Дмитрий пояснил — так всегда. И днем, и ночью. Мягко струился свет ночника. Нет, объяснил мне, он не страдает светобоязнью. Не прячется и от правды жизни. Она же тут, рядышком, за шторой, заглядывает в окна его квартиры вывороченными строителями земными внутренностями.

Да и зачем от нее прятаться, когда она в его руках обернулась жар-птицей.

Похоже, что звезды на небе благоволят к Дмитрию Харатьяну. С этого и начался наш разговор с баловнем судьбы.

— Все это так — и не так. Моя судьба — не манна небесная. И если звезды располагали, то и я не терял времени — работал, а не прозябал. Иногда в мой адрес бросают: не работал, а плыл по течению — везунчик. Но и по течению надо уметь плыть.

Приходилось мне читать и такое: кто-то из критиков возмущался, что на гребне популярности вот уже более года держится Харатьян, а Смоктуновского нет там и близко. Что тут сказать: кино — многожанровое искусство. Кто-то играет Гамлета, а кому-то придется сниматься в кинокомедиях. И то, и другое кино необходимы людям. И не надо сравнивать популярность Харатьяна с известностью Иннокентия Смоктуновского. Эти вещи — несопоставимые. Есть артисты намного талантливее и достойнее меня. Дело тут не во мне, а в зрительских симпатиях. Ну кто виноват, что я — «Ласковый май» в искусстве. А что делать мне — плакаться в жилетку? Перестать сниматься в кино? Ждать той самой роли, которая бы перевернула меня?

— А была ли такая роль в твоей артистической жизни? — Была попытка. Скорее не у меня, а у режиссера Марлена Худиева. Он предложил мне сыграть роль юного Пушкина. Были сделаны первые пробы. Но из этой затеи ничего не вышло. Тогда я очень переживал. Больше мне никто и никогда не предлагал серьезных ролей. Так у меня и осталась надежда на то, что, может быть, когда-нибудь мне удастся сыграть глубокую и серьезную роль.

— Если я правильно понял: все, что сыграно до сегодняшнего дня, далось тебе, скажем так, малой кровью. Не принесли эти роли и удовлетворения... — Я сказал бы несколько иначе: все мои сыгранные роли заставляли меня задумываться в чисто профессиональном плане. Не более. Не было глубоких психологических ролей. Из-за них я не мучился, не страдал бессонницей, как из-за несыгранного Пушкина.

— Наверное, у тебя, как и у каждого зрителя, есть свои любимые актеры, которым ты хотел бы подражать... — В кино — Олегу Янковскому. Удивительно тонкий, серьезный и глубокий артист. Если бы рейтинг составлял я, отдал бы ему первое место.

— Пятнадцать лет назад, взяв гитару, ты приехал на киностудию «Мосфильм». Дальше все случилось, как в сказке: дворовому пацану предложили главную роль в фильме «Розыгрыш». Герой твой был романтиком, борцом за справедливость. Наверное, ты и сам походил на него во многом. Это амплуа принесло Дмитрию Харатьяну широкую известность. Зрители полюбили твоих обаятельных, чистых и светлых героев. И вдруг — «Мордашка». Скажи — почему ты изменил своим героям?

— Да, куда уж дальше — из сказочных принцев податься в подонки нелегко. Зрители уже привыкли ко мне. Мне самому глубоко симпатичен гардемарин Алеша Корсак. Хотя я сам — не гардемарин. Да и поступки в моей жизни не всегда совпадают с делами моих героев. Если честно, то я хотел бы оставаться в плену у гардемарин. И дальше играть такие чистые, оптимистические и светлые роли. Они мне намного ближе, чем мой Гена из «Мордашки».

...Почему я согласился сыграть антигероя? Мне было очень интересно вырваться из заезженных образов и сыграть нечто противоположное тому, что приходилось играть до сих пор. А разве тебе не захотелось бы сломать стереотип мнений о себе? И потом независимая студия «Фора-фильм» заплатила мне за мой эксперимент в

пять раз больше, чем я получил бы по госрасценкам...

— Фильм «Мордашка» спрогнозирован на успех: и полуэротическая тема, и выбор главного героя. Не полчится ли так, что с приходом коммерческого кино Дмитрию Харатьяну придется играть разного рода смазливых подонков, преступников и мафиози, как до этого он играл комсомольских работников и милых нашему сердцу персонажей прошлого с внешностью ангелов?

— Все может быть. Я согласен с Галиной Яцкиной, что кино и театру нужны красивые актеры. Их надо искать. Их не надо бояться.

— К слову, когда Галина Яцкина говорила об этом, она назвала и тебя, удачно сочетающего талант и внешность...

— Не знаю... Мне кажется, что я где-то на дальних подступах к большой и серьезной актерской работе. Вообще странная вещь получается: пока я не был популярным актером, меня считали неплохим артистом. Появился рейтинг популярности, и все хором заговорили, что все это за счет «мордашки»...

— А разве ты сам не становишься своеобразным заложником нового стереотипа — героя с червоточинной, умеющего прожить жизнь легко и красиво? Скорее всего именно этого от тебя и потребует наше коммерческое кино...

— Многие справедливо связывают с коммерциализацией кино взлет эротических тем, рождение наших отечественных секс-бомб и мужественных героев с хорошо развитой мускулатурой. Запад давно переболел этой болезнью. Там рядом уживается все: и бездарная эротика, и настоящее искусство. Все сосуществует рядом, и никто не страдает — ни зритель, ни художник. Опасность стать пленником коммерческого кино велика, ибо актер — профессия чрезвычайно зависимая в мире кинобизнеса. Я очень хотел бы сыграть Гамлета, Калигулу, но пока это удастся лучше другим.

— Встречи с журналистами — неприятный, но неизбежный атрибут славы. Приоткрывать створки своей ду-

ши и впускать туда, мягко говоря, незнакомых людей, не совсем приятно. Как ты относишься к слабе?

— Как к неизбежному злу. Она съедает у меня самое драгоценное время. Я не могу остаться наедине с собой.

— Есть ли у тебя близкие друзья?

— Мне легче жить без друзей. И потом — в мое понимание друга не вписывается ни один человек. Я слишком требователен в любви, в дружбе. Не уверен, отвечаю ли я сам этим требованиям.

— Пишешь ли ты стихи, музыку?

— Нет. Пою чужие песни, играю чужие роли.

— О политике и не спрашиваю. Не до нее...

— Нет, почему же. Верно — ни разу не голосовал, но у меня есть мои ориентиры — Андрей Дмитриевич Сахаров. Все остальные — конъюнктура.

— А разве ты сам свободен от этого греха — конъюнктуры?

— Все было. До сих пор во мне живет ощущение стыда и неловкости за исполненные военно-патриотических песен в «Утренних почтах»...

Дмитрий посматривал то на часы, то на предложенную гостью одинокую коньячную рюмку. Сам хозяин не пил. Вот уже год как в завязке. Давным-давно из-за этого ушла жена. Все это — в прошлом. Сегодня он на волне славы. Его ждут съемочные площадки Одессы и Ленинграда. Снимается продолжение «Гардемаринов». Он полон энергии. И просил об одном — не делать из него ни трагической фигуры с надломом, ни кумира. Он живет обычной жизнью заматанной звезды: его ищут, разыскивают, настаивают на встречах, приглашают. В этой суете и суматохе ему некогда остановиться и задуматься о себе. Похоже, что он доволен этим — и боится оставаться наедине с собой. Пока он нужен всем. Что будет потом — об этом он не хочет думать. В конце концов, считает Дмитрий, жизнь — это не достижение каких-то целей, а само движение. В него он ушел со всей головой, а там — кривая вывеска.

С. ЗАВОРОТНЫХ.